

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-260-281

УДК 811.111 + 930.2

ОБРАЗЫ ДЖИХАДА И ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОТЕСТА КАК ФОРМЫ КЛАССОВОГО КОНФЛИКТА И СОЦИАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

М.В. Курчанов

Обоснование. Автор анализирует тексты цикла «Дюна» в контекстах современной историографии, которая предложила универсальные методы, позволяющие анализировать «ориентальные» образы в литературе через призму конструирования и деконструкции нарратив, формирующих образ джихада как формы политической, социальной и религиозной борьбы угнетенных сообществ и меньшинств.

Цель. Целью статьи является «ориенталистская» реинтерпретация образов джихада в романах, принадлежащих к циклу «Дюна», включая тексты оригинального цикла и приквелы, представленные «Дюна», «Мессия Дюны», «Дюна. Батлерианский джихад» и «Дюна. Пол».

Материалы и методы. Автор использует методологический инструментарий, предложенный интеллектуальной историей и исследованиями национализма, включая концепцию изобретения традиций, которая позволяет анализировать образы джихада в научной фантастике как одну из изобретенных традиций массовой научно-фантастической литературы США на примере текстов цикла «Дюна». Ориентализм как метод используется для анализа мусульманских мотивов в прозе Ф. Херберта, Б.Херберта и К. Андерсона, которые, как полагает автор, вдохновлены политическими, идеологическими и религиозными стимулами. Автор полагает, что ориенталистский подход является эффективной интерпретационной моделью для междисциплинарного анализа американской научной фантастики как пространства развития образов джихада в западной интеллектуальной традиции общества потребления.

Результаты. Изучены идеологические и политические основания развития образов джихада как социального концепта американской научной фантастики. В статье анализируются идеологические истоки, а также политические прототипы и прообразы мусульманских радикалов цикла «Дюна». Автор анализирует идеологический дискурс, связанный с радикальным исламизмом, который транслируется в американской массовой культуре через призму образов религиозной войны как попытки реализации доктрины и социального освобождения одновременно. В статье проанализированы попытки американских писателей сформировать положительный и привлекательный образ радикального политического протеста под религиозными мусульманскими лозунгами. Показано, что американская научно-фантастическая проза актуализировала мобилизационный потенциал исламизма, вообразя и изобретая его как формы легитимного социального и экономического протеста угнетенных масс против дискриминации. Автор полагает, что некоторые американских авторы подвергли образы джихада ревизии, предложив его интерпретацию как радикального социального и классового протеста, прикрытого религиозной легитимацией.

Ключевые слова: Фрэнк Херберт; Брайан Херберт; Кевин Андерсон; «Дюна»; ориентализм; ориентальные образы; ислам; сунниты; шииты; джихад

Для цитирования. Кирчанов М.В. Образы джихада и проблема легитимации религиозного протеста как формы классового конфликта и социального освобождения // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 260-281. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-260-281

IMAGES OF JIHAD AND PROBLEMS OF LEGITIMATION OF RELIGIOUS PROTEST AS A FORM OF CLASS CONFLICT AND SOCIAL LIBERATION

M.W. Kyrchanoff

Background. The author analyzes the texts of the Dune cycle in contexts of modern historiography, including its universal methods that al-

low analyzing “oriental” images in literature through the prism of constructing and deconstructing narratives that form the image of Jihad as a form of political, social and religious struggle of oppressed communities and minorities.

Purpose. *The purpose of the article is an “orientalist” reinterpretation of the images of Jihad in the novels belonging to the Dune cycle including the prequel text presented by Dune. Butlerian Jihad and Dune. Paul.*

Materials and methods. *The author uses the methodological tools of intellectual history and studies of nationalism, including the concept of the invention of traditions, which allows to analyze the images of Jihad in science fiction as one of the invented traditions of mass US science fiction literature using the texts of the Dune cycle. Orientalism as a method is used to analyze Muslim motifs in the prose of F. Herbert, B. Herbert and K. Anderson, which, as the author of the article presumes, were inspired by political, ideological and religious stimuli. The author states that the orientalist approach can be an effective interpretative model for an interdisciplinary analysis of American science fiction as a cultural landscape for the development of Jihad images in the Western intellectual tradition of the consumer society.*

Results. *The ideological and political foundations for the development of images of Jihad as a social concept of American science fiction are studied in the article. The article analyzes the ideological origins, as well as the political prototypes and archetypes of the Muslim radicals of the Dune cycle. The author analyzes the ideological discourse of radical Islamism, presented in American mass culture through the prism of religious war images as attempts to implement the doctrine and social liberation. The article analyzes the attempts of American writers to form a positive and attractive image of a radical political protest under religious Muslim slogans. Therefore, it is shown that American science fiction prose actualized the mobilization potential of Islamism, imagining and inventing it as a form of legitimate social and economic protest of the oppressed masses against discrimination. The author presumes that some American authors revised the images of Jihad, offering its in-*

terpretation as a radical social and class protest based on religious legitimization.

Keywords: Frank Herbert; Brian Herbert; Kevin Anderson; Dune; orientalism; oriental images; Islam; Sunnis; Shiites; jihad

For citation. Kyrchanoff M.W. *Images of Jihad and Problems of Legitimation of Religious Protest as a form of Class Conflict and Social Liberation. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 260-281. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-260-281

Введение

Отношения Запада и мусульманского Востока никогда не были равными, и на протяжении истории эти два религиозно-культурных региона неоднократно конфликтовали друг с другом. Вместе с тем в западной интеллектуальной и культурной традиции сложилась уникальное восприятие Востока, в качестве системных атрибутов которого определялись религиозность, архаичность и доминирование традиционализма. Именно эти качества и характеристики приписывались незападным обществам со стороны европейских и американских интеллектуалов, которые действовали в рамках парадигмы культурного и политического ориентализма.

Эти стереотипы, которые проецировались западными интеллектуалами на восточные общества, сохраняли свою актуальность на протяжении XX в. Этому содействовала растущая фрагментация мира, углубляющаяся идеологическая и культурная конфронтация Запада и Востока. Восточные страны стали в большой степени ассоциироваться и соотноситься в политической мифологии Запада с угрозами радикального ислама. В значительной степени прогресс такой точки зрения был обязан усилиям со стороны правых интеллектуалов и политиков. Угроза радикального ислама, таким образом, оказалась востребованной западными политическими кругами, в первую очередь правыми. Поэтому в конце 20 и начале 21 в. в условиях незавершённости национально-освободительных движений на Востоке, которые тесно смыкались и переплетались с религией,

ислам стал важным фактором, который легитимировал антизападные симпатии восточных обществ.

Поэтому проблемы политического освобождения и достижения реального суверенитета ассоциировались и соотносились с политическим исламом. В такой ситуации политическая борьба могла проходить под мусульманскими религиозными лозунгами. В этих условиях Восток в западном сознании в большей степени начинал ассоциироваться с религиозной угрозой. Поэтому особенно востребованными в западных СМИ оказались нарративы, призванные описать мусульманскую угрозу через призму джихада как системного вызова западной модели развития. Джихад некоторыми западными авторами стал восприниматься и позиционироваться как системная особенность незападного, восточного, мусульманского мира.

Террористические атаки начала 21 в. и ответные операции западных стран против авторитарных режимов Востока привели к активизации религиозного и политического противостояния между Западом и в первую очередь ближневосточными мусульманскими государствами. Военная операция США в Ираке и Афганистане стимулировали ответную реакцию со стороны радикальных исламистов, которые активно использовали практику террора, направленного против западных стран. В этой ситуации западные СМИ стали активно соотносить образы ислама и джихада, воспринимая их как фактически синонимы несмотря на то, что исторически мусульмане и христиане имели опыт мирного сосуществования.

Джихад никогда не принадлежал к числу тех политических универсалий, которыми мусульманские страны руководствовались в своих отношениях с Западом. Тем не менее западные интеллектуалы начали соединять образы ислама и джихада. Массовая культура западных обществ не могла остаться в стороне от этой тенденции, которая все в степени начинала принимать универсальный характер. Поэтому некоторые американские писатели-фантасты внесли свой вклад в осмысление образов ислама через призму джихада.

Этому процессу содействовал ряд политических, культурных и интеллектуальных стимулов начала 21 в. Во-первых, активизиро-

валась противостояние западного мира, Соединенных Штатов, с Востоком, который ассоциировался с исламом. Во-вторых, западные интеллектуалы осознали важность и уникальность мусульманского опыта, связанного с попытками институционализации теократических режимов, которые основывались на мусульманском, шиитском, радикализме и фундаментализме. В-третьих, западные общества столкнулись с угрозой политического и религиозного терроризма, источником которого были восточные мусульманские радикалы, воспринимавшие террор под лозунгами джихада как универсальное средство борьбы против западного реального и мнимого доминирования в преимущественно мусульманских странах.

В этой ситуации западное общество потребления не могло не обратиться к актуализации образов джихада, который в большей степени начинал восприниматься как универсалия мусульманской модели развития. Особый вклад в формирование и развитие образов джихада в западном культурном и литературном дискурсе внесла американская фантастика. В данном случае речь идет о цикле романов «Дюна», который был начат в 1960-е гг. американским писателем-фантастом Ф. Гербертом, а позднее продолжен его сыном Б. Гербертом в соавторстве с К. Андерсоном.

Если Ф. Герберт в своем оригинальном романе «Дюна» только в самых общих чертах описал особенности и направления религиозной борьбы угнетенного мусульманского населения против политического режима, сопоставимого по методам управления с западным колониализмом, то его литературные наследники и продолжатели существенно расширили восприятие религиозной борьбы, которую сам Ф. Герберт описывал как «джихад». В романе «Батлерианский джихад» Б. Герберт и К. Андерсон предприняли амбициозную попытку синтезировать религиозные и социальные противоречия незападных обществ, описав их в форме социальной и религиозной борьбы угнетаемого населения против одновременно чуждой им политической культуры господствующих доминирующих классов и экзистенциальной угрозы, представленный искусственным интеллектом, который игнорировал религиозные предпочтения формального большинства.

Таким образом, Б. Герберт и К. Андерсон предложили в значительной степени расширенное понимание джихада, подвергнув его социальной и культурной ревизии. Поэтому джихад начал восприниматься не просто как религиозная война, но и как борьба, направленная против вызовов и угроз, представленных институционализированной иерархией, что делало фактически неизбежным рост социальных противоречий. Таким образом, романы «Батлерианский Джихад» и «Дюна. Пол» стали важным вкладом современной западной массовой культуры в формирование и функционирование образов ислама, который в большей степени начинал ассоциировался с религиозным и политическим радикализмом в целом и с джихадом как формой борьбы в частности.

Цель и задачи

Романы, входящие в число приквелов цикла «Дюна», представляют собой источники по истории развития образов джихада в американском научно-фантастическом дискурсе начала 21 в. Целью статьи является осмысление и анализ образа джихада как элемента политического и идеологического дискурса в американской научной фантастике, призванного формировать и воспроизводить образы Востока. В число задач автора входит 1) изучение особенностей отражения политического ислама как основы джихада в романах цикла «Дюна», 2) анализ основных направлений развития джихада как одной из форм функционирования политического ислама, 3) выяснение роли, которую анализируемые тексты играли в развитии образов джихада в американском интеллектуальном пространстве начала XXI в.

Источники

Источниковый корпус статьи ограничен двумя текстами Б. Герберта и К. Андерсона, входящими в серию приквелов к вселенной «Дюны». В качестве источников, актуализирующих и визуализирующих образы джихада, интерпретируются романы наследников Ф. Герберта «Дюна. Батлерианский джихад» [2; 10] и «Дюна. Пол» [3; 11].

Методология

В сфере методологии изучение образов джихада в американской научной фантастике начала 21 в. основано на принципах междисциплинарности с привлечением дискурсивно-нарративного анализа, что позволяет интерпретировать изучаемые тексты одновременно как 1) источники, отражающие развитие и трансформацию образов джихада в западной культурном и политическом воображении, и 2) как этапы восприятия джихада как радикальной формы религиозной борьбы через призму его локализации в западной культуре, что связано с изобретением соответствующих интеллектуальных традиций. Предполагается, что исламские мотивы, редуцированные до образов джихада, следует интерпретировать как форму позднего ориентализма, маргинализованного в политической культуре, но сохранившего свои позиции в научной фантастике [12].

Образ борющегося ислама: джихад неуспешный и удачный

Романы цикла «Дюна» актуализируют различные формы протекания религиозной борьбы – как удачной, так и неудачной. Политически радикальный и социально мотивированный, но вместе с тем неудачный, с точки зрения результатов, джихад описан в романе Б. Герберта и К. Андерсона «Батлерианский джихад». Если в оригинальной «Дюне» основная масса участников джихада представлена условными потомками суннитов, то в «Батлерианском джихаде» радикальная версия религиозного протеста соотносится с опытом шиитов, отрицавшими навязываемые им чуждые культурные практики, так как «кремация тел верующих не совсем согласовывалась с обычаями дзеншиитов» [2, с. 404]. Несмотря на то, что «последователи буддизма могли соблюдать свои законы и обычаи» [Там же, с. 419], во вселенной романов, формирующих цикл «Дюны», и шииты, и сунниты в одинаковой степени оказывались жертвами социального угнетения, которое привило им способность адаптироваться к внешним политическим вызовам.

Вместе с тем, если сунниты предстают как конформисты, то шииты открыто идут на столкновение с элитами, не только вы-

ражая несогласие со своим социальным статусом, но и отстаивая свое право открыто выражать собственную идентичность, проявлявшуюся, например, в «ношении традиционной одежды поверх серой рабской униформы. Наряд был символом их идентичности: белый цвет означал свободу, красный – кровь» [Там же, с. 419]. В этом контексте нарратив о джихаде как источнике перемен развивали и литературные наследники Ф. Герберта, которые констатировали, что «в течение года прошедшего после свержения Шаддама Четвертого миллионы новообращенных присоединились к армии Пола, пополнив ряды его преданных фрименских воинов, каждый из которых был готов отдать жизнь за своего вождя. Ведомые фанатичными федайкинами и другими надежными военачальниками, солдаты священного воинства, развертывали силы, нацелившись на другие звездные системы» [3, с. 9].

Свержение формально законного монарха в политической идеологии его фанатичного настроенных оппонентов воспринимается как легитимное событие, что актуализирует влияние политической философии ислама на Ф. Герберта и его наследников, которые фактически стали проводниками в западном научно-фантастическом дискурсе идеи о том, что «тема гражданского общества и механизмов его работы не чужды цивилизационному наследию арабов» [8]. В этом контексте Ф. Херберт и его наследники стремились ассимилировать идею имама Хомейни о том, что «монархия – это злое и ложное правление» [1, с. 22], интегрируя ее в американский научно-фантастический дискурс. Поэтому джихад Муад' Дибя в определенной степени продолжает идеи и принципы Батлерианского джихада с той только разницей, что основной удар направлен на те силы, которые воспринимаются радикалами как источник политического и социально-экономического угнетения.

Несмотря на столь явную социальную риторику текстов цикла «Дюна», некоторые исследователи указывают на то, что прогрессивное значение веры не имеет смысла преувеличивать, так как «в суннизме нет принципов теологии освобождения <...> ортодоксальный ислам мирится с рабством» [6, с. 87]. Если джихад Му-

ад' Дибa имитирует религиозное движение, фактически решающее политические цели, то Батлерианский джихад носил не только политической, социальной, религиозной, но и антиимпериалистический характер, будучи направленным против имперской модели правления, стимулирующей «соединение столь многих миров под жесткой властью одного правительства», естественной реакцией на что является лозунг «Хватит с нас империй!» [2, с. 393].

В этой ситуации некоторые исследователи вселенной «Дюны» указывают на историческую прогрессивность и легитимность джихада как религиозной войны, направленной против машин [6, с. 16]. Центральной фигурой шиитского джихада являлся Бел Моулай – «чернобородый предводитель дзеншиитов», бывший «не только самым сильным среди пленников, он был также религиозным лидером, получившим подготовку на IV Анбус, где воспитывался в строжайших законах дзеншиитского течения буддислама. Он лично читал и изучал истинные рукописи и сутры, умел анализировать любое место из них, и за толкованиями все товарищи обращались только к нему» [2, с. 402], которые не только были религиозными фанатиками, но и сочетали шиитский фанатизм с социальным недовольством, выражая свое несогласие с правящими нешиитскими группами, так как их «беспольные, никчемные, находящиеся в плену заблуждений люди выставляли напоказ свое состояние и при этом безнаказанно убивали правоверных» [Там же, с. 402].

В этом контексте романы, которые предшествуют оригинальной «Дюне», хотя и можно воспринимать как ориенталистские, но они тем не менее предлагают содержательно иное видение Востока, отрицающее само «предубеждение против символов и референций ислама и утверждение европоцентризма» [14]. Появление героя типа Бела Моулая в «Батлерианском джихаде» не является случайным. Вводя такого персонажа в контекст политической и религиозной борьбы, Б. Герберт и К. Андерсон фактически воспроизводят традиционный для мусульманской историографии нарратив о кризисе исламской модели государственности, когда «мусульманские государства оказывались на краю гибели перед лицом безжалост-

ного и решительного противника! Религиозные противоречия и политические амбиции терзали умму изнутри и мешали ей собраться с силами. Но всякий раз находился лидер, которому удавалось объединить мусульман и дать отпор неприятелю» [5].

Осознание именно последнего факта стимулировало американских авторов актуализировать в своих текстах опыт как религиозного фундаментализма, так и стимулируемого им религиозного политического протеста. Фигура Бела Моулая как собирательного образа религиозного лидера актуализирует то, что достижение «духовного руководства в религии достигается именно терпением и твердой убежденностью» [7]. Вместе с тем «маргинализация для тех, кто живет под властью, которая их угнетает» в значительной степени универсальна, так как «те, кто страдает от маргинализации, актуализируют свою принадлежность к маргинализированным группам, будь то в истории или в реальности» [17]. В случае, описанным в «Батлерианском джихаде», подобная консолидация имеет религиозные основания. Бел Моулай остается фигурой одновременно прогрессивной и маргинальной, так как его идеи социального и религиозного освобождения явно новаторски для времени, когда он жил, но обречены на поражение в противостоянии с системой. Наследники Ф. Герберта именно двум этим качествам приписывали центральное значение в генезисе радикального религиозного протеста.

В такой ситуации именно религиозная доктрина, основанная на коллективной памяти о социальном угнетении, становилась той силой, которая «способна также удерживать вместе то, что в противном случае рассыпалось бы на составные части» [2, с. 415]. В политической и социальной доктрине лидера дзеншиитских радикалов в «Батлерианском джихаде» присутствуют элементы салафитского дискурса. В то время как арабские сторонники радикального ислама настаивают на том, что «салафитский призыв – это призыв к тому, что Бог послал Своему Пророку Мухаммаду – да пребудет с ним благословение и мир – это призыв придерживаться великого Корана и очищенной Сунны, этот салафитский призыв – это призыв следовать методологии, которую Посланник, да пребудут с ним Божьи

молитвы и мир, излагал в Мекке, а затем в Медине» [15], то политическая этика литературного Бела Моулая в значительной степени близка к салафитской доктрине, будучи основанной на неприятии и отрицании не только социального неравенства и несправедливости, но и идеологических обоснований такой ситуации, которые воспринимались как немусульманские. Религиозный лидер в мире, где радикальные шииты составляли меньшинство, был обречен на то чтобы стать религиозным мучеником, так как, «несмотря на всю глубину своей веры, он был так же беспомощен как и его спутники и товарищи по несчастью, и так же как они был вынужден служить всем капризам неверных. Неверные не позволяли дзеншиитам жить по законам веры и вовлекли их в свою безнадежную войну с нечистыми демонами машинами» [2, с. 403].

Последние в политической идеологии радикального шиизма становились проекцией отложенной мести, так как даже религиозные радикалы осознавали, что «сейчас нет никакого смысла в сопротивлении, – произнес он на своем родном языке, но я клянусь вам, что время настанет» [Там же, с. 404]. Вместе с тем машины, на которых «десница Божья обрушит праведную месть» [Там же, с. 405], становились проекцией религиозного гнева Бел Моулая, который не только «призывал к открытому неповиновению и бунту, к восстанию против хозяев» [Там же, с. 430], но и «вечерами, сидя у костра, бородатый предводитель обещал своим людям, что угнетатели понесут наказание – если не в этом поколении, то в следующем или еще позднее, но нельзя сомневаться, что это обязательно произойдет» [Там же, с. 403]. Образ лидера религиозного протеста в «Батлерианском джихаде» имеет явные пересечения с реальными исламскими радикалами в силу того, что Ф. Герберт вообразил и сконструировал будущий мир «Дюны» в виде некой ближневосточной, исламской модели путем проекции на нее знакомых ему сюжетов региональной истории. Подобно лидерам радикальных групп, которые используют лозунги ислама, Бел Моулай «сделал заявление, требуя немедленного освобождения всех дзенсунни и дзеншиитов и их безопасного проезда к местам прежнего прожи-

вания. В осажденном правительственными войсками космопорту мятежники удерживали многих аристократов и надсмотрщиков. Здания космопорта продолжали гореть, а в центре толпы чернобородый вождь произносил пламенные речи, горячие, как огонь пожара» [Там же, с. 612].

В этом контексте джихад в романах, формирующих цикл «Дюна», является не просто формой «разрушения иерархических структур», но «восстановлением отношений между людьми на более равноправной основе» [6, с. 96]. Протесты под религиозными лозунгами, описанные в «Батлерианском джихаде», имеют несколько исторических прообразов. Попытка исламского восстания отсылает к опыту и результатам некоторых протестов радикальных исламистов, которые были подавлены ближневосточными авторитарными режимам.

Образ Бела Моулая, будучи собирательным, имеет реальных исторических прототипов. Определенную роль в его генезисе могли сыграть утверждения аятоллы Хомейни о «религиозном долге», который состоял в том, чтобы «поднять движение, выйти с протестом и выразить отношение к этой власти. И будь что будет. Хотя с таким количеством людей было невозможно сражаться с силами правителя. Однако это был его долг» [1, с. 30]. В такой ситуации несколько лидеров радикальных исламистов могут восприниматься как прообразы литературного Бела Моулая. На статус его прототипов могут претендовать Иссам аль-Аттар, Аднан Саид аль Дин, Саид Хави [9] – вдохновители и руководители исламистского восстания 1979 – 1982 гг. в Сирии [13].

Среди вероятных кандидатов на роль прототипа Бела Моулая – аятолла Хомейни – лидер Исламской революции в Иране. Религиозный протест шиитов стимулировался пониманием и осознанием того, что «Бог дал нам разум и нашу веру. От нас зависит, найдем ли мы оружие и столь нужную нам решимость» [2, с. 420] в борьбе с религиозной, политической и социальной дискриминацией. Именно последняя стимулирует временный союз суннитов и шиитов, среди которых росло понимание того, что верующие «пережили

бесчисленные унижения нашего достоинства. Мы делаем все, чего требуют от нас наши господа. Они пользуются плодами того, что делаем для них мы, но дзеншиты... и наши дзенсуннитские братья не получают от этого желанной свободы» [Там же, с. 421].

Поражение радикального шиитского протеста ведет не только к гибели их лидера, превращая его в мученика, но содействует мифологизации события. Актуализация опыта неудачного религиозного протеста в «Батлерианском джихаде» отсылает нас к опыту мученичества в исламе, на что, например, указывает аятолла Хомейни, признающий значительный потенциал религиозно легитимированного протеста, направленного против «угнетения и несправедливости» во имя «укрепления ислама» [1, с. 2]. Поэтому радикалы во вселенной Дюны склонны использовать опыт веры для решения конкретных задач, понимая, что «у прошлого надо учиться, а не тащить на шею его ярмо» [2, с. 480].

Такое восприятие истории вовсе не исключало ее сращивания с религиозной доктриной. Поэтому один из верующих героев «Батлерианского джихада» повторял «непокорные слова Бела Моулая. Неистовый предводитель дзеншиитов мечтал о том времени, когда рабы смогут сбросить свои цепи и, освободившись, вернуться на IV Анбус, Хармонтеп и даже на таинственную, никому не известную Соуки» [Там же, с. 513]. Вместе с тем поражение религиозного протестного движения и казнь Бела Моулая ставит перед его сторонниками проблему, которая реальна для значительной части современных арабских обществ, актуализируя ту «страшную пропасть, которая отделяет то, что производит интеллигенция от людей и от реальных действий, что также ставит нас перед проблемой выживания интеллектуальных проектов без наследников» [16].

Конструируя подобный образ Бела Моулая, американские авторы фактически ассимилировали один из политических шиитских аргументов, согласно которому гибель мученической смертью в период борьбы с несправедливым режимом является шагом на пути к «установлению Божественной справедливости, чтобы был воздвигнут Дом Божий» [1, с. 27]. Таким образом формируется

политический миф мученичества, фактически легитимирующий протест против режима, воспринимаемого в категориях антиисламского. Кроме того, имитация ислама в прозе Ф. Герберта и его продолжателей указывает на знакомство авторов с основами исламской истории и политической доктрины. В частности, превращение ислама в основу легитимации политического протеста отсылает к высказыванию аятоллы Хомейни о том, что «ислам был ниспослан, чтобы воспитать человека, а не обеспечить власть» [Там же, с. 21].

Психология участников джихада, описанного Ф. Гербертом и его приемниками, в определенной степени укладывается в парадигму, предложенную аятоллой Хомейни, который оправдывал сам факт восстания «против империи той эпохи, которая была больше, чем здешняя империя. Он восстал против нее с малыми силами. И с этими малыми силами он, хоть и пал мученической смертью, но превозмог и одолел эту империю. Он одолел этот аппарат угнетения, победил его» [Там же, с. 2]. Шииты в «Батлерианском джихаде» предстают как одновременно организаторы и жертвы неудачного джихада, подавленного не машинами, против которых был направлен Батлерианский джихад в целом, но находящимися у власти политическими классами. Если «пацифизм дзенсунни подвел их всех в самый критический момент» [2, с. 420], то радикализм шиитов стал причиной неудачного восстания религиозных радикалов.

Формируя образ Бела Моулая как политического и религиозного мученика, наследники Ф. Герберта фактически ассимилируют шиитский нарратив о жертвенности во имя «убеждений и веры» [1, с. 29] и гибели, которая оборачивается поражением формально победившего режима. Предложенный образ религиозного лидера как борца соотносится со словами российского исламского мыслителя Г. Джемалея, который актуализировал социальную роль ислама, подчеркивая, что именно мусульмане «должны стать образцом для 80% униженных, вытесненных из истории людей и быть авангардом в их борьбе с мировой системой» [4]. Именно последняя фактически воспринимается как основной коллективный враг и собирательный образ Другого в «Батлерианском джихаде». Протест шиитов в пери-

од Батлерианского джихада стимулировался ростом религиозного фанатизма, основанного на понимании того, что «наш народ ждет отмщения... Мы были свободны, потом нас взяли в плен. Некоторые из нас стали новыми рабами, другие же служили господам в неволе в течение многих поколений» [2, с. 419].

Если джихад, как борьба, был описан Ф. Гербертом в оригинальном романе, то его первые результаты представлены в романах, написанных его наследниками которые проводили параллели между фрименами Муад' Дибба и джихадистами Ближнего Востока, активно уничтожавшими исторические памятники: «изуродованный Дом заседаний Ландсраада, разрушенные музеи, инопланетные посольства, Сводчатый сад камней был взорван, являл собой безобразную грудю обломков. Пол не мог понять, чего хотели сказать этим его воины. То было разрушение ради разрушения... это дворец был символом старого режима, как и все, связанное с пораженной упадком и гниением старой империей, он должен быть сметен и повержен в прах... фрименские фанатики захватили Кайтэйн. Варвары разграбили его красивейшую столицу» [3, с. 46, 50, 53].

Подобные разрушения монументальных символов предшествующего режима сочетались с институционализацией религиозно мотивированного насилия, направленного как на унификацию политического пространства, так и ликвидацию альтернативных версий идентичности. В рамках нового институционализированного фундаменталистами режима его оппоненты были обречена на смерть «за преступления, совершенные под влиянием отступнической религии... отныне и навсегда я запрещаю вашу безрассудную веру. Я приказываю сравнять с землей все ваши святилища в моей Империи. Мой Кизарат займется вашими последователями, чтобы наставить их на истинный путь... отныне в моей Империи не будет священников секты Дур» [Там же, с. 254]. В этом контексте актуализация образом ислама в американском интеллектуальном дискурсе, ограниченном сегментом научно-фантастической литературы, ведет к продвижению политического нарратива об антидемократическом характере не только ислама, но и тех режимов, которые на него опираются.

Выводы

Образы джихада возникли под влиянием растущей роли Ближнего Востока в мировой и региональной политике, который не могли игнорировать американские авторы, различно реагируя на эти процессы в своих текстах. Это стимулировалось тем, что интеллектуалы в США были невольными и вынужденными свидетелями активизации Ближнего Востока, где важным политическим фактором становился радикальный ислам. Известно, что исламисты нередко выдвигали лозунги джихада, связывая их с актуальной для них политической повесткой дня, соотнося его с борьбой против Запада, который ассоциировался с колониализмом и колониальным опытом. Поэтому джихад мог восприниматься позитивно, понимаясь как закономерное проявление процесса деколонизации и достижения полного суверенитета, что требовало последовательного расставания с коллективными историческими травмами прошлого, которые мусульмане получили в результате колониализма.

С другой стороны, важным стимулом для развития образом джихада в американской научной фантастики стал собственно американский политический опыт. В этом контексте во внимание следует принимать то, что культурная и интеллектуальная история США второй половины XX в. была связана с рядом политических и идеологических провалов и неудач в первую очередь американского либерализма и движения левых интеллектуалов, разочарованных в той политике, которую проводили американские правящие элиты. В этой ситуации в научно-фантастической литературе неизбежно возникали образы политического поражения формально прогрессивного с социальной точки зрения освободительного движения. Проблема состояла в том, что многим американским писателям, в том числе и автору «Дюны», не хватало мужества отразить именно этот аспект собственного национального политического и исторического опыта. Поэтому они были вынуждены прибегать к иносказаниям, конструируя и воображая несуществующие социальные миры и культурные реальности, где

политическая и идеологическая борьба протекала под лозунгами ислама. Эту идею подхватили наследники Ф. Герберта, которые в своем романе «Батлерианский джихад» максимизировали протестный потенциал угнетенных масс, предположив, что религиозная война могла бы восприниматься как универсальная форма политического протеста.

Продолжатели автора «Дюны» показали потенциал не только социального протеста под религиозными лозунгами, но и глубину травмы, которую различные сообщества могли получать как в результате институционализации колониализма, так и в случае неудачи политического протеста, вызванной подавлением освободительного движения со стороны правящих элит. Именно в этой ситуации в американской фантастике усилиями литературных наследников Ф. Герберта был актуализирован образ неуспешного побежденного джихада. Кроме того, мотивы джихада в романе «Батлерианский джихад» в определенной степени стимулировались реальным опытом маргинальных групп Запада и Востока во второй половине XX в.

Культурными стимулами, которые вынуждали американских авторов актуализировать именно неудачную модель ведения джихада, могли стать неудачи левых в США, которые не смогли реализовать свои политические проекты. Кроме того, неуспешные попытки ближневосточных, сирийских исламистов, которые не смогли противостоять сложившемуся в Сирии авторитарному политическому режиму в 1980-е гг., могли стимулировать формирования образов Бела Моулая как лидера религиозных фанатиков и жертвы авторитарного режима. В такой интеллектуальной и культурной ситуации образ джихада как неудавшегося социально-политического освободительного движения оказался востребованным в американском научно-фантастическом дискурсе, который, несмотря на свою принадлежность к сегменту массовой культуры, решал не только развлекательные задачи общества потребления, но и сигнализировал о растущей угрозе религиозного радикализма, что в полной мере проявилось в романе «Батлерианский джихад».

Список литературы

1. Восстание Ашурь в выступлениях и посланиях имама Хомейни. М.: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2009. 104 с.
2. Герберт Б., Андерсон К. Дюна. Батлерианский джихад / пер. с англ. А. Анваера. М.: Издательство АСТ, 2022. 768 с.
3. Герберт Б., Андерсон К. Дюна. Пол / пер. с англ. А. Анваера. М.: Издательство АСТ, 2022. 576 с.
4. Джемаль Г. Политический ислам и проблема легитимности в современном мире. Выступление Председателя Исламского комитета России на сессии 24-го Международного конгресса исламских обществ (30 ноября 2015 г.). URL.: <http://www.kontrudar.com/lekcii/politicheskiy-islam-i-problema-legitimnosti-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 03.01.2023)
5. Кулиев Э. Сумерки человечества. URL.: <https://e-minbar.com/sumerki-chelovechestva> (дата обращения: 03.01.2023)
6. Николас Дж. Дюна. Философия и путь ментата. М.: АСТ, 2021. 352 с.
7. Шамс-ад-Дин Ибн аль-Каййим, Послание к каждому мусульманину / пер. с араб. Э. Кулиев. URL.: <https://e-minbar.com/poslanie-k-kazhdomu-musulmaninu> (дата обращения: 03.01.2023)
8. Al Marashi I. The film 'Dune', techno-Orientalism, and intergalactic Islam // TRT World. 03.12.2021. URL.: <https://www.trtworld.com/opinion/the-film-dune-techno-orientalism-and-intergalactic-islam-52273> (дата обращения: 03.01.2023)
9. Ali al-Abdallah. Ean tabieat al-mujtamae al-madanii wadawrih // Al Araby al Jadeed. 31.03.2021. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/e-an-tabieati-almujtamai-almadnu-wdawruh>
10. Carré O., Michaud G. Les Frères musulmans: Egypte et Syrie (1928 – 1982). Paris: Gallimard, 1983, 235 p.
11. Herbert Br., Anderson K.J. Dune: The Butlerian Jihad. NY.: Tor Books, 2002, 624 p.
12. Herbert Br., Anderson K.J. Paul of Dune. NY.: Tor Books, 2008, 512 p.
13. Jacob F. The Orientalist Semiotics of Dune. Religious and Historical References within Frank Herbert's Universe. Wien: Buchen – Verlag, 2021, 124 p.

14. Lefèvre R. *Ashes of Hama: the Muslim Brotherhood in Syria*. NY: Oxford University Press, 2013, 273 p.
15. Najm Aldiyn Khalf Allah. Hisham Jeyt: al-iitahat bialkhitab al-iaistishraqii // Al Araby al Jadeed. 03.06.2021. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/culture/hushami-jieit-al'iitahati-bialkhitabi-aliastishraqii> (дата обращения: 03.01.2023)
16. Nubdhat ean al-daewat al-salafiat wahayaat al-shaykh Muhamad bin Abdal Wahaab. URL.: <https://binbaz.org.sa/fatwas/14512/> (дата обращения: 03.01.2023)
17. Shawqi bin Hasan. Fi rahil Hisham Jeyt: mufaraqat al-mwrrkh wmyrathuh // Al Araby al Jadeed. 03.06.2021. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/culture/fy-rhyl-hsham-jeyt-mfarqat-almwrrkh-wmyrathuh> (дата обращения: 03.01.2023)
18. Sumar Shahada. Fi thrur al-katib min sultt al-aietiraf // Al Araby al Jadeed. 2022. December 28. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/culture/fy-thrur-alkatb-mn-sultt-alaetraf> (дата обращения: 03.01.2023)

References

1. *Vosstaniye Ashury v vystupleniyakh i poslaniyakh imama Khomeyni* [Ashura uprising in speeches and messages of Imam Khomeini]. Moscow: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2009, 104 p.
2. Gerbert B., Anderson K. *Dyuna. Butlerianskiy dzhikhad* [Dune. Butlerian Jihad]. Moscow: AST, 2022, 768 p.
3. Gerbert F. *Dyuna* [Dune]. Moscow: AST, 2022, 800 p.
4. Dzhemal' G. *Politicheskiy islam i problema legitimnosti v sovremennom mire. Vystupeniye Predsedatelya Islamskogo komiteta Rossii na sessii 24-go Mezhdunarodnogo kongressa islamskikh soobshchestv (30 noyabrya 2015 g.)* [Political Islam and the problem of legitimacy in the modern world. Speech by the Chairman of the Islamic Committee of Russia at the session of the 24th International Congress of Islamic Communities (November 30, 2015)]. URL.: <http://www.kontrudar.com/lekcii/politicheskiy-islam-i-problema-legitimnosti-v-sovremennom-mire> (accessed January 03, 2023)

5. Kuliyeв E. *Sumerki chelovechestva* [Twilight of mankind]. URL.: <https://e-minbar.com/sumerki-chelovechestva> (accessed January 03, 2023)
6. Nikolas Dzh. *Dyuna. Filosofiya i put' mentata* [Dune. Philosophy and the path of the mentat]. Moscow: AST, 2021, 352 p.
7. Shams-ad-Din Ibn al'-Kayyim. *Poslaniye k kazhdomu musul'maninu* [Message to every Muslim]. URL.: <https://e-minbar.com/poslanie-k-ka-zhdomu-musulmaninu> (accessed January 03, 2023)
8. Al Marashi I. The film 'Dune', techno-Orientalism, and intergalactic Islam. *TRT World*. 03.12.2021. URL.: <https://www.trtworld.com/opinion/the-film-dune-techno-orientalism-and-intergalactic-islam-52273> (дата обращения: 03.01.2023)
9. Ali al-Abdallah, Ean tabieat al-mujtamae al-madanii wadawrih [On the nature and role of civil society]. *Al Araby al Jadeed*, 2021, March 31. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/ean-tabieati-almujtamiei-almadniu-wdawruh> (accessed January 03, 2023)
10. Carré O., Michaud G. *Les Frères musulmans: Egypte et Syrie (1928 – 1982)*. Paris: Gallimard, 1983, 235 p.
11. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Butlerian Jihad*. NY.: Tor Books, 2002, 624 p.
12. Herbert Br., Anderson K.J. *Paul of Dune*. NY.: Tor Books, 2008, 512 p.
13. Jacob F. *The Orientalist Semiotics of Dune. Religious and Historical References within Frank Herbert's Universe*. Wien: Buchen – Verlag, 2021, 124 p.
14. Lefèvre R. *Ashes of Hama: the Muslim Brotherhood in Syria*. NY: Oxford University Press, 2013, 273 p.
15. Najm Aldiyn Khalf Allah. Hisham Jeyt: al-iitahat bialkhitab al-iaistishraqii (Hisham Jeyt: The Overthrow of Orientalist Discourse). *Al Araby al Jadeed*, 2021, June 3. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/culture/hushami-jieit-al-iitahati-bialkhitabi-aliastishraqii> (accessed January 03, 2023)
16. *Nubdhat ean al-daewat al-salafiat wahayaat al-shaykh Muhammad bin Abdal Wahaab (An Overview of the Salafi Appeal and the Life of Sheikh Muhammad bin Abdul Wahhab)*. URL.: <https://binbaz.org.sa/fatwas/14512/> (accessed January 03, 2023)

17. Shawqi bin Hasan. Fi rahil Hisham Jeyt: mufaraqat al-mwrrkh wmyrathuh (On the path away of Hisham Jait: the paradoxes of a historian and his legacy). *Al Araby al Jadeed*, 2021, June 3. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/culture/fy-rhyl-hsham-jeyt-mfarqat-almwrrkh-wmyrathuh> (accessed January 03, 2023)
18. Sumar Shahada. Fi thrurr al-katib min sultt al-aietiraf (To the liberation pf the writer from the power of confession). *Al Araby al Jadeed*, 2022, December 28. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/culture/fy-thrurr-alkatbmn-sultt-alaetra> (accessed January 03, 2023)

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений; доцент Кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Исторический факультет

*ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
ул. Пушкинская 16, г. Воронеж, 394000, Российская Федерация*

maksymkyrchanoff@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maksym W. Kyrchanoff, DrSci in History, Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations; Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, History Faculty

Voronezh State University

16, Pushkinskaya Str., Voronezh, 394000, Russian Federation

maksymkyrchanoff@gmail.com

SPIN-code: 6547-1027

ORCID: <https://orcid.org/0000-00033819-3103>

Поступила 10.01.2023

После рецензирования 01.02.2023

Принята 15.02.2023

Received 10.01.2023

Revised 01.02.2023

Accepted 15.02.2023